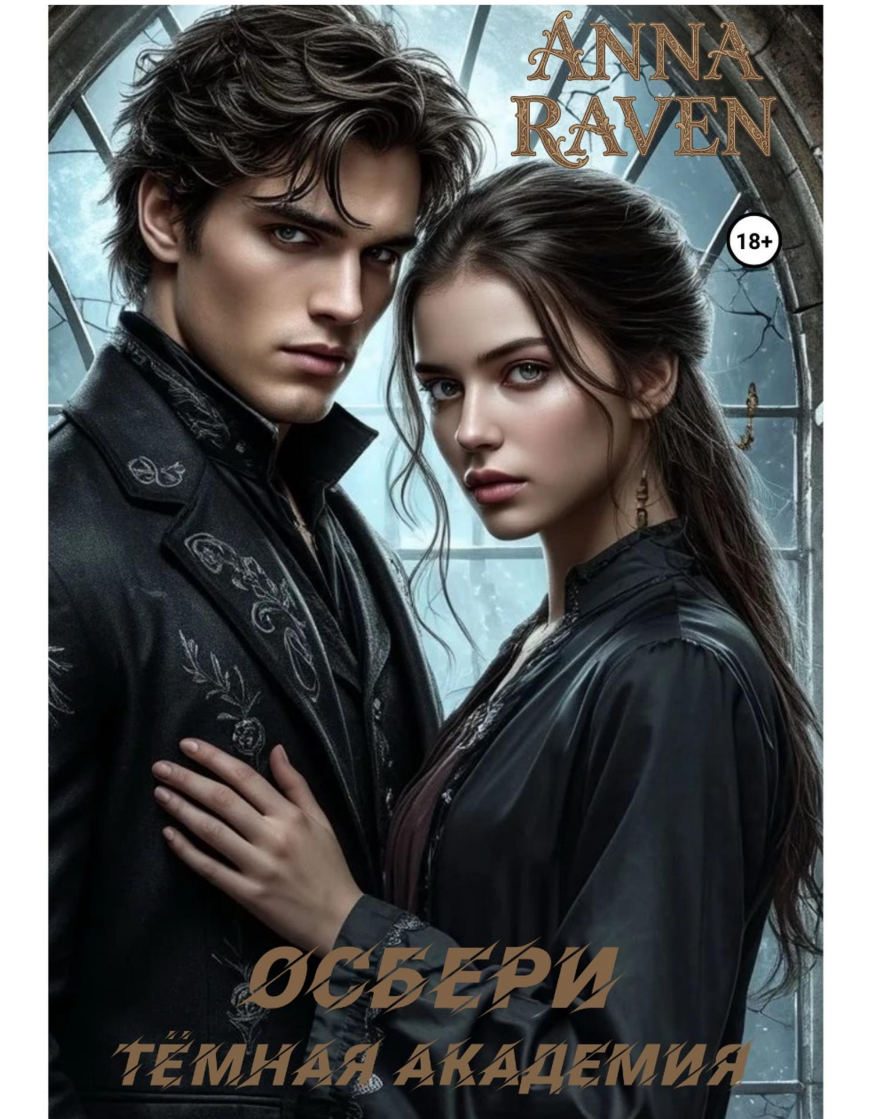

A movie poster featuring a young man and woman in dark, gothic-style clothing. The man is on the left, looking intensely at the camera, with his hand on the woman's shoulder. The woman is on the right, looking slightly away from the camera. They are standing in front of a large, arched window with a view of a city at night. The title 'ANNA RAVEN' is in the top right, and 'ОСБЕРИ' and 'ТЕМНАЯ АКАДЕМИЯ' are at the bottom.

ANNA RAVEN

18+

ОСБЕРИ
ТЕМНАЯ АКАДЕМИЯ

Анна Рейвен

Осбери. Тёмная академия

<https://litres.ru/74393008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твой самый главный секрет — это свобода воли?

Академия Осбери не просто обучает магов — она их ломает. Каждому адепту насильно вживляют ментальный слепок — абсолютный запрет на нарушение устава. Одна мысль о неповиновении выжигает разум изнутри. Здесь выживают только покорные куклы.

Мой слепок лег криво. Благодаря редкому, запретному дару, я осталась единственной свободной в этой готической тюрьме.

Но в Осбери у стен есть глаза. Безупречный и опасный аристократ со старшего курса мгновенно распознал во мне аномалию. Теперь я на его крючке. Моя тайна принадлежит ему, а платой за молчание станет игра по его правилам.

Между нами нет места доверию — только жесткий расчет, шантаж и звенящая неприязнь. Он уверен, что поймал меня, но я уже коплю силы, чтобы уничтожить его превосходство.

Кто из нас проиграет в этой психологической дуэли? И что произойдет, когда глухое противостояние превратится в смертельную одержимость?

Содержание

Глава 1. Кодекс покорности	4
Глава 2. Анатомия послушания	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Рейвен

Осбери. Тёмная академия

Глава 1. Кодекс покорности

Я стояла в коридоре перед тяжелыми дубовыми дверями Зала клятв — моя очередь была следующей. Запах чужого страха настолько глубоко въелся в дерево, что, казалось, его невозможно смыть даже вековым ливнем.

Вдоль стен на узких скамьях замерли другие первокурсники. Обычные люди, которым не повезло родиться с щепоткой магии в душе. Кто-то судорожно молился, кто-то до крови кусал губы, кто-то просто дрожал. Никто не разговаривал. В Осбери тишина была не просто правилом приличия, она была культом.

— Анна Вэйланд, — сухо раздалось из-за дверей.

Горло пересохло, я судорожно сглотнула и толкнула тяжелую створку.

Внутри зал выглядел как мрачный готический амфитеатр. Повсюду горели свечи, а в самом центре, на возвышении, стояло массивное кресло из темного дуба. Напротив него ждал магистр Лоренс. В его петлице тускло поблескивал серебряный знак академии, а в пальцах правой руки спала Ткач Мыслей — длинная, изящная игла, кончик которой едва за-

метно светился серым туманом.

— Садитесь, адепт, — не глядя на меня, произнес Лоренс. Я опустила в кресло, до боли вцепившись пальцами в подлокотники.

— Не двигайтесь. Сделайте глубокий вдох.

Острые иглы коснулось моего правого виска. Металл обжег кожу холодом, а в следующий миг в затылок словно вогнули раскаленный гвоздь — от резкого спазма к горлу подступила тошнота. Я почувствовала, как чужеродная магия распространяется на каждый сантиметр моего разума, пытаюсь подчинить его. По уставу академии наши мысли должны были полностью быть под контролем Осбери.

Но у меня был маленький секрет.

В глубине моего существа проснулось то, что я скрывала ото всех с самого детства — моя собственная магия. Мой тайный, упрямый дар Разрушителя связей. Он встретил серебряную нить Лоренса как смертельного врага. Моя искра окутала слепок, словно кислота. Она не уничтожила его полностью — это выдало бы меня мгновенно, — но она размягчила его жесткие, стальные узлы. Мой дар превратил нерушимые ментальные оковы в тонкую, едва ощутимую и абсолютно безвредную паутину.

Магистр Лоренс убрал иглу и наконец посмотрел мне в глаза своим тусклым, почти мертвым взглядом.

— Поздравляю, адепт Анна. Теперь вы часть Осбери, так же, как и Осбери — часть вас.

Я схватилась руками за голову и зажмурилась, симулируя сильный ментальный шок, который в этот момент испытывал каждый нормальный студент. Лоренс удовлетворенно и холодно кивнул.

— Возвращайтесь в жилой корпус. И помните: любая мысль о нарушении правил убьет вас раньше, чем вы успеете сделать шаг за порог академии.

Я поднялась и на негнущихся ногах пошла к выходу, изо всех сил стараясь держать лицо. Как только тяжелые двери захлопнулись, пустив ощутимую вибрацию по каменным стенам, я оказалась в пустынном коридоре.

Взглянув на стену напротив, я увидела устав нашей академии — огромный золотой свиток, вбитый в камень.

«Правило первое: студентам запрещено покидать жилые комнаты после полуночи».

Я замерла. Набрала в легкие побольше воздуха и намеренно, во всех красках и деталях представила, как сегодня ночью сбегаю из комнаты. Я ждала удушья, оглушительного писка в ушах или обморока — всего того, чем нас запугивали на вступлении.

В висках лишь едва заметно кольнуло и тут же затихло.

Их ошейник оказался бессилен. Я была свободна в стенах этой жуткой тюрьмы, и это был мой самый опасный секрет.

Жилой корпус встретил меня запахом сырого камня и векового дуба. Длинный коридор восточного крыла был освещен лишь редкими факелами в кованых настенных лапах.

На тяжелой двери с номером «42» тускло блеснула медная табличка.

Моя комната.

Я толкнула дверь. Помещение оказалось небольшим, но уютным в своей готической строгости: две узкие кровати под тяжелыми балдахинами, два письменных стола и огромное стрельчатое окно.

На одной из кроватей, сжавшись в комок, сидела бледная девушка. Её каштановые волосы были растрепаны, а пальцы судорожно сжимали шерстяной плед. При виде меня она вздрогнула.

— Привет, — тихо сказала я, закрывая дверь. — Я Анна.

— Марта, — её голос едва заметно дрожал. — Ты... ты тоже от магистра Лоренса?

Я кивнула, проходя к свободной кровати, и намеренно потерла виски, продолжая играть роль жертвы ментального шока.

— Голова раскалывается, — соврала я. — Эта процедура просто ужасна.

— Нет! Не говори так! — Марта испуганно подскочила с кровати. — Не смей даже вслух это произносить. Эти стены... Они всё слышат. Нас предупреждали: неуважение к уставу или преподавателям карается мгновенно.

Она выглядела по-настоящему запуганной. Типичная дочь обедневших магов. Для неё Осбери был единственным шансом пробиться в люди, и она панически боялась этот

шанс упустить. Её ментальный слепок сел идеально — как железный ошейник.

— Извини, — мягко ответила я. — Просто нужно привыкнуть.

— Да... нужно привыкнуть, — эхом отозвалась Марта. Она попыталась улыбнуться, но вышло жалко. — Зато мы в безопасности. Нам дадут знания. Главное — не нарушать правила. Первое правило: не покидать комнату после полуночи. Второе правило: не открывать окна во время грозы. Третье...

Она осеклась. На мгновение её лицо исказилось от боли. Она прижала ладонь к груди, судорожно глотая воздух. На её щеке, прямо под челюстью, на секунду проступила и погасла светящаяся серебряная нить.

— Марта? Что с тобой? — я подбежала к ней.

— Ничего... всё в порядке, — прохрипела она, постепенно приходя в себя. Её лоб мгновенно стал влажным, а волоски на русых прядях прилипли к вискам. — Я просто... подумала про окно. О свежем воздухе... Дождь ведь так шумит... И слепок сразу сжал легкие. Нам нельзя, Анна. Понимаешь? Даже в мыслях.

Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри глухо и зло закипает мой собственный дар. Марта легла на кровать и отвернулась к стене, тяжело дыша.

Они думают, что сковали меня, но сегодня ночью я докажу обратное.

Гул сотен голосов затих одновременно, стоило тяжелым дверям Большого зала распахнуться. Обязательный приветственный ужин был последней формальностью перед началом учебного года.

Зал впечатлял суровой архитектурой. Четыре длинных стола тянулись вдоль стен, за ними сидели студенты в строгих черных мантиях. В самом конце, на возвышении, располагался стол преподавателей. В центре него, в массивном кресле-троне, сидел директор Рэймонд — пожилой мужчина со стальным взглядом и абсолютно белыми, аккуратно зачесанными волосами. Он не улыбался.

Мы с Мартой поспешили занять свободные места в самом конце стола для первокурсников.

— Эй, привет. Тоже едва живые после Ткача Мыслей? — раздался шепот справа.

Я повернулась. Парень, сидевший рядом, выглядел открыто и дружелюбно. У него были взъерошенные светлые волосы и живые, теплые карие глаза.

— Меня зовут Том, — представился он, протягивая руку. — У меня после процедуры до сих пор в ушах звенит. Думал, мозги вытекут.

— Анна, — я пожала его ладонь. — Да, приятного мало. Но, кажется, хуже всех пришлось моей соседке.

Я кивнула на Марту, которая сидела бледная как мел и невидящим взором смотрела в свою тарелку. Том сочувственно вздохнул.

— Да уж... Говорят, аристократам легче. Их с детства учат ментальным блокам, поэтому их разум принимает слепок безболезненно. А вот нам, простым...

Том осекся. Внезапно по моей коже пробежала волна ледяного покалывания — физическое предчувствие чужой, очень сильной и тяжелой магии.

Я подняла взгляд и посмотрела на противоположную сторону зала, где сидели старшекурсники. На меня в упор смотрел молодой человек — Виктор.

Директор Рэймонд поднялся со своего места, призывая зал к тишине. В ту же секунду сотни первокурсников вокруг меня, повинувшись сигналу ментального слепка, синхронно и беззвучно опустили головы, уставившись в свои тарелки. Послушное, дрессированное стадо. Я опоздала на долю секунды, оставшись сидеть с прямой спиной и поднятым подбородком. Мой взгляд скрестился со взглядом Виктора. Он смотрел в упор, и в его глазах промелькнуло опасное узнавание. Только тогда я поспешно опустила глаза, но пульс испуганной птицей уже забился где-то в основании шеи.

Ужин тянулся бесконечно. Стоило магистрам объявить об окончании трапезы, как сотни студентов хлынули к выходу. Марта, всё ещё бледная, затерялась в толпе впереди. Том помахал мне рукой и свернул к мужскому крылу. Я шла позади всех, погруженная в свои мысли, как вдруг поток первокурсников свернул за угол, а я осталась одна в длинном, тонущем в вечерних тенях коридоре.

Внезапно из темноты за каменной колонной соткался силуэт. Я не успела даже вскрикнуть — сильная мужская рука перехватила мое запястье, а вторая жестко легла на талию, увлекая в глубокую нишу за тяжелую бархатную портьеру.

Спина встретила ледяной камень стены. Передо мной вплотную стоял Виктор.

В полумраке его лицо с резкими аристократическими скулами казалось застывшей маской. В его темных, почти черных глазах не было и капли тепла — только холодный взгляд хищника. От него пахло дорогим табаком, кожей и горьким перцем.

— Пусти, — процедила я сквозь зубы. Я попыталась рвануться, но его хватка была железной.

Вместо ответа Виктор с силой прижал мое запястье к стене над головой. Он навис надо мной, заслоня собой весь коридор, и от этой близости в груди перехватило дыхание.

— Тише, Анна, — его низкий голос прозвучал как приказ у самого моего уха. — Если закричишь, сюда придет дежурный магистр. И поверь, тебе не захочется объяснять, почему твой ментальный слепок не бьется в судорогах от мысли о сопротивлении старшекурснику.

Он медленно повернул голову, заставляя меня встретиться с ним взглядом, — смотрел сверху вниз с ленивым превосходством. Это было жесткое психологическое давление: он проверял меня, искал трещину в броне.

Виктор наклонился еще ниже. Его свободная ладонь

скользнула вверх по моей шее, вынуждая задрать подбородок, а большой палец с тяжелым нажимом прошелся по нижней губе. Меня передернуло от злости на это наглое прикосновение. Его пальцы были горячими, но от них веяло опасностью.

— Твой ошейник не работает, верно, Анна? Ты бракованная, — прошептал он, и его губы на мгновение скривились в торжествующей усмешке. — Я видел, как ты держала мой взгляд в зале. Обычные первокурсники так не могут. Их воля подчинена. А ты... ты аномалия.

Мой дар внутри груди завязался в тугой, пылающий узел. Мне стоило огромных усилий не выпустить магию прямо сейчас и не выжечь его каналы.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — холодно ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Виктор тихо, хрипло усмехнулся. Мое сопротивление его лишь раззадорило.

— Мне и не нужно знать всё. Достаточно того, что твоя жизнь теперь в моих руках, маленькая бунтарка. Если я расскажу директору Рэймонду, он сотрет твою личность дочиستا. Ты станешь послушной куклой. Помни об этом.

Он резко отпустил мое запястье и сделал шаг назад, мгновенно возвращая себе маску безупречного, отстраненного старосты.

— До встречи на уроках, Анна. И не вздумай гулять ночью. Мне бы не хотелось сдавать тебя администрации рань-

ше времени.

Он развернулся и скрылся в полумраке коридора, двигаясь с обманчивой, хищной грацией. На ходу он небрежно засунул руку в карман брюк, и на каменный пол с тихим шорохом выпал крошечный обрывок плотной старинной бумаги. Как только шаги старосты затихли, я подобрала его. На пергаменте быстрым летящим почерком была набросана формула, а в углу темнел чернильный штамп: «*Запретный архив. Сектор Анатомии*».

Виктор что-то будет искать внизу ночью. Я должна найти этот сектор прежде, чем он решит открыть рот и выдать мой секрет.

Глава 2. Анатомия послушания

Спина до сих пор помнила жесткие выступы камня. Одежда впитала запах чужого парфюма — тяжелый, с нотами горького перца, который теперь казался едким.

Когда я вернулась в комнату, Марта лежала на боку, натянув одеяло до подбородка. Её пальцы побелели, намертво вцепившись в ткань. Из её груди вырывался свист — короткий, прерывистый. Серебряная нить на шее под кожей тускло пульсировала в такт этому хрипу. Слепок контролировал её даже во сне, вычищая из подсознания остатки дневных сомнений.

Когда время приблизилось к полуночи, я села на край своей кровати. Паркет под ногами был ледяным, но я не двигалась. В углу хрипели напольные часы. Маятник раскачивался с тяжелым, металлическим стуком.

Щелк. Щелк.

Каждый звук бил по перепонкам. Стрелка доползла до двенадцати. На главной башне Осбери проснулся колокол. Глухой удар пронзил тишину заброшенного крыла. Затем второй. Третий.

После двенадцатого удара мир замер. По уставу академии с этого момента пространство за порогом комнаты становилось запретной зоной. Для всех.

Я поднялась. В горле было сухо, словно я наглоталась

книжной пыли. Колени на секунду ослабли, но я заставила себя сделать шаг. Потом еще один. Пальцы легли на медную ручку двери, я медленно опустила её вниз, и замок поддался без звука.

Я перешагнула порог.

Коридор восточного крыла тонул в густой темноте. Воздух здесь был холоднее. Я замерла, прислушиваясь к собственному телу. Грудь вздымалась ровно. Ребра не сжимало стальными тисками. Легкие свободно принимали сырой воздух. Ошейник молчал.

Я прикрыла дверь, оставив щель шириной в палец, и двинулась вдоль стены. Левая рука скользила по шероховатой кладке. Нам нужен был нижний ярус — Запретная библиотека, куда стаскивали архивы до того, как Рэймонд ввел Кодекс, и где находился сектор Анатомии, указанный на обрывке Виктора. Если где-то и сохранились чертежи Ткача Мыслей или то, что заставит старосту молчать, то только там.

Возле винтовой лестницы я остановилась. Снизу, из темноты пролета, донесся шорох — мягкий, шаркающий звук шагов. Патруль.

Я вжалась в узкую оконную нишу, растворяясь в складках тяжелой портьеры. Кожа покрылась мурашками от сквозняка. Шаги приближались.

Сквозь узкую щель в ткани я увидела слабый свет. Магистр Лоренс шел медленно. В его руке была зажженная свеча, но пламя не колебалось — оно горело ровным, мертвым

фиолетовым огнем. Индикатор чужого присутствия. Лоренс держал пальцы на рукояти Ткача, торчащего из кармана мантии. Его лицо в фиолетовом свете казалось вырезанным из кости.

Он остановился прямо напротив моей ниши.

Я перестала дышать. Зубы сжались до боли в челюсти. Фиолетовый огонек свечи вдруг дернулся, вытянулся вверх. Магистр повернул голову к портьеру. Между нами было чуть больше метра. Я видела отражение пламени в его круглых очках. Если он сделает шаг...

Лоренс нахмурился, его палец погладил серебряную иглу инструмента.

Вдруг в дальнем конце коридора, у жилых комнат, раздался глухой стук и приглушенный стон. Марта. Должно быть, перевернулась во сне и снова подумала о чем-то недозволенном.

Магистр резко повернулся на каблуках и быстро пошел на звук. Фиолетовое свечение растаяло за поворотом.

Я выдохнула, чувствуя, как по спине струится пот. Медлить было нельзя.

Я скользнула вниз по винтовой лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Тьма сгущалась. На самом нижнем ярусе пахло плесенью и мокрой бумагой. Дверь библиотеки — огромная, кованая железом — была приоткрыта.

Я аккуратно толкнула створку. Она поддалась без скрипа, смазанная чьей-то рукой. Внутри, между бесконечными ря-

дами стеллажей, царил полумрак, но у самого дальнего стола горела одинокая лампа. На полу валялись раскрытые фолианты, страницы были вырваны с мясом.

Я сделала три шага вперед и замерла. Из-за массивного шкафа с надписью «*Анатомия духа*» вышла высокая фигура.

Виктор.

На нем не было мантии — только тонкая черная рубашка с засученными по локоть рукавами. Его предплечья были покрыты сеткой свежих, еще багровых царапин. В правой руке он держал вырванный лист из старинного трактата.

Его глаза сузились. Взгляд мгновенно зафиксировал мое лицо, спустился к сжатым кулакам и снова поднялся выше. На его губах не было утренней усмешки. Лицо было бледным, почти прозрачным, а челюсти плотно сжаты.

— Ты всё-таки пришла, — его голос прозвучал как шелест сухих страниц. Он сделал шаг ко мне, сминая пергамент в руке. — Маленькая идиотка. Ты даже не представляешь, под что подставила нас обоих.

Виктор швырнул смятый пергамент на стол. Бумага зашуршала, скатываясь на каменный пол. Он двигался быстро. Его пальцы мертвой хваткой вцепились в мое плечо. Ткань рубашки натянулась. Он потянул меня к выходу, почти волоком.

— Идем. Живо, — выдохнул он мне в лицо. В его зрачках отражался тусклый свет лампы. Лицо застыло. Никаких эмоций — только сухой, приказной тон шантажиста.

От его руки шло сильное, пульсирующее тепло. Но это было не тепло человеческого тела. Это была плотная магия аристократа, которая обволакивала мои плечи, пытаясь подавить волю. Хватка отозвалась тупой болью в ключице.

Внутри меня что-то оборвалось. Ярость от его бесцеремонности вышибла остатки осторожности.

Я не стала вырываться. Вместо этого перехватила его за запястье. Моя ладонь легла прямо поверх свежих царапин на его предплечье.

— Отпусти, — процедила я.

Мой дар «Разрушителя связей» не спросил разрешения. Он рванулся наружу сам — как натянутая тетива, которая наконец лопнула.

Из моих ладоней в его руку ударила невидимая, ледяная волна. Это не было боевое заклинание — чистое отрицание. Моя магия въелась в его энергетические каналы, как кислота в железо, мгновенно разъедая связи между его волей и силой.

Виктор глухо вскрикнул, его взгляд остекленел от шока. Пальцы судорожно разжались, выпуская ткань. Он отшатнулся на два шага назад, сильно ударившись спиной о тяжелый дубовый стеллаж. Книги на верхних полках глухо задрожали.

Кожа аристократа мгновенно покрылась испариной, он судорожно, со свистом хватал ртом воздух. Его лицо серого оттенка контрастировало с темными волосами.

— Что... что ты сделала? — Его голос сорвался на хрип. Он попробовал поднять правую руку, но та бессильно повисла вдоль тела. Его магия ушла, каналы были пусты, словно выжженная пустыня. На секунду в его взгляде мелькнул чистый страх сильного существа, которое внезапно лишили оружия.

Я замерла напротив него, не опуская рук. Мои ладони до сих пор покалывало от остаточного холода.

— То же самое я сделаю с твоим разумом, если ты еще раз ко мне прикоснешься, — мой голос не дрожал. Осознание своей силы выпрямило спину. Теперь мы были равны. Даже больше — сейчас я была сильнее.

Виктор медленно, опираясь спиной о шкаф, сполз чуть ниже, но устоял на ногах. Судорожно сглотнул, на его шее натянулись струны сухожилий. Постепенно страх в его взгляде сменился чем-то другим — тяжелым, расчетливым и злым.

— Ты... ты разрушила структуру, — прошептал он, глядя на свои непослушные пальцы. — Ты не просто обошла слепок. Ты способна ломать чужие привязки.

Он поднял взгляд. Нас разделяло три шага. Лампа между нами продолжала тускло гореть.

Я перевела взгляд с его бледного лица на стол. На раскрытый трактат. На вырванные страницы. Название книги на обложке было вытиснено полустертым серебром: «Анатомия ментальных уз. Методология Ткача».

Рядом лежал его собственный блокнот. Строчки были ис-

писаны его быстрым, летящим почерком — формулы, рунические связки. И все они были зачеркнуты жирными, яростными линиями чернил.

Я сделала шаг к столу, не спуская с него глаз, и подняла один из обрывков.

— Ты искал лазейку, — догадка обожгла изнутри. — Ты староста. Безупречный аристократ. Пример для всей академии. И ты тайно ищешь способ уничтожить ментальный слепок.

Виктор промолчал. Его дыхание постепенно выравнивалось, но правая рука всё еще оставалась неподвижной. Он смотрел на меня из-под нависших темных прядей — хмуро, пристально, как на смертельно опасного противника, который только что узнал его самую постыдную тайну.

— Твой ошейник тоже жмет тебе шею, Виктор? — я бросила обрывок пергамента обратно на стол, позволив себе короткую усмешку. — Похоже, мы оба бракованные.

Он медленно выпрямился. Его левая рука сжалась в кулак. Магия возвращалась к нему каплями, медленно восстанавливая разорванные моим даром связи, но действовать он уже не мог.

— Если нас поймают здесь, Рэймонд не станет разбираться, кто из нас первый начал, — Виктор сделал шаг вперед. Его голос снова стал ровным, но в нем появилось новое, опасное острие. — Мой слепок работает. Но он душит меня каждый раз, когда я пытаюсь зайти дальше дозволенного ад-

министрацией. Мне нужна твоя способность. А тебе нужно мое молчание и мои знания о замке.

Он остановился у самого края стола. Наши взгляды снова скрестились.

— Мы заключим сделку, маленькая бунтарка, — тихо сказал он. — Или уничтожим друг друга. Выбирай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.